

Мне снилось, что уходит конь Верроக்கьо

Комм. правда -
-1998, -17авг,
- с. 10

29 августа отмечается столетие Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, основанного Иваном Владимировичем Цветаевым. Праздник начался уже сейчас целой серией выдающихся выставок. В центре события - Ирина Александровна Антонова, почти сорок лет возглавляющая музей, человек особой духовности и энергии. Не случайно Андрей Вознесенский включил ее портрет в книгу, которая называется «Прорабы духа»

- Ирина Александровна, быть директором такого замечательно-го заведения, как Музей изобразительных искусств, - просто служба или служение?

- Как вам сказать... Я поступила в музей сразу после окончания университета. Работала старшим научным сотрудником - не была ни заведующей отделом, ни ученым секретарем. Наш директор уходил на пенсию. У него случился инфаркт. Он меня позвал к себе и сказал, что видит меня в качестве преемника. Я была очень удивлена и совершенно к этому не готова... Хотя желание сделать что-то в музее по-своему, наверное, у меня за 16 лет созрело. Один мой товарищ сказал: знаешь что, соглашайся, если не получится - станешь снова старшим научным сотрудником.

- И уже не ушли?

- Так получилось, что не ушла. И уже 37 лет...

- Что за эти 37 лет было самой большой вашей радостью и что самой большой проблемой, которая мучила?

- Цветаевский музей почти с самого начала стал пополняться подлинниками, и в очень короткий срок, в течение одного десятилетия, коллекции выросли в пятьдесят раз. Стало очевидно, что одного здания недостаточно. А музей, может быть, даже в отличие от театра это обязательно дом. Театр еще может поиграть на какой-то временной сцене, потом куда-то переехать. А музей - нет. И вот этот дом стал мал. Это, кстати, понимал Иван Владимирович Цветаев. И в 1898 году, сто лет назад, закладывая музей, говорил, что начинаемое де-

ло обязательно разрастется, и здесь, вокруг основного здания, будет расти целый, как он говорил, «музейский городок». И вот радость моя была, когда первый раз мы получили еще один дом, в 1961 году, как раз я стала директором в этот год. Мы отхлопотали так называемый дом Верстовского. Потом через какое-то время еще и еще. И сейчас мы отчасти осуществляем мечту Ивана Владимировича Цветаева и создаем вокруг себя «музейский городок». Это и музей личных коллекций, и еще один дом, в котором размещаются отделы, и два дома в работе. И еще три дома ждут финансирования. В общем, растем. И это, конечно, очень большая радость.

- А «Декабрьские вечера», которые вы сочинили вместе с Рихтером?

- Ну, это такое большое счастье! Вообще я бы сказала, что за эти годы можно гордиться, наверное, несколькими серьезными новациями. Это - музей личных коллекций: такого организма больше не существует. И этот музей позволил сохранить замечательные коллекции для всего общества. И это - «Декабрьские вечера», которые в этом году пройдут в 18-й раз. Такой формы фестиваля, в полном соответствии с традициями искусства и музыки, тоже нигде не существует.

- Как вам это пришло в голову?

- Святослав Теофилович пригласил меня в Тур, во Францию, где он к тому времени уже много лет проводил фестивали музыкальные. Я посмотрела, что там происходит, мне очень понравилось. Я его спросила: почему только в Туре, почему не в Москве? Он спросил: а где ж? Я сказала: в музее. И в том же году мы начали делать это. Хотелось, чтобы была какая-то своя идея «вечеров». И вот тогда мы поняли, что, очевидно, они будут тематическими и будут сопровождаться какой-то специальной выставкой. Это удается делать до сих пор. Ближайшие «вечера» - Пушкин, навстречу юбилею. Мы - музей имени Пушкина, выставка будет посвящена одному произведению Пушкина - «Евгению Онегину», но это энциклопедия русской жизни. И, конечно, Пушкин и музыка.

- А какая-то болячка, которая осталась, как заноза?

Ирина Антонова
и Святослав
Рихтер.

ФОТО АНАТОЛИЯ ГАРАНИНА.

- Вы знаете, болячка не столько осталась, сколько, напротив, подспудно во мне развивается. Меня очень волнует, что будет с музеем дальше. Потому что новые здания чрезвычайно важны, но есть еще персонал музея - это очень важная материя. Иван Владимирович, когда закладывал музей, много каких традиций заложил. В частности, он писал, что будет стараться приобретать в музей людей с горячим сердцем. Есть они и сейчас. Но меня беспокоит, что преобладает старшее поколение. Самая главная задача - как-то воспитать, что ли, развить это чувство у молодых.

- Ирина Александровна, а есть у вас какие-то интимные отношения с одной картиной, с одной вещью? Мистические, может быть?

- Думаю, что нет. Наверное, этого даже не может быть. Потому что все - равно важно. Хотя есть художники, которые мне необыкновенно близки. Ну,

предположим, у нас есть такой замечательный слепок, так называемая Мадонна Медичи. Памятник Мадонне Микеланджело. Одно из самых великих для меня произведений в истории мирового искусства. Я каждый раз просто с трепетом, когда прохожу мимо, смотрю на выражение ее лица. Такой волнующе крупный и сильный образ, что рядом с ним чувствуешь себя абсолютно несоизмеримой...

- Ирина Александровна, а какие сны вам снятся?

- Я своих последних снов не помню. Но были сны, когда я только начинала работать и становилась хранителем. Один из ужасных снов - будто я вхожу в Итальянский дворик и вижу, как какой-то неизвестный берет за поводья коня работы Верроக்கьо - памятник эпохи Возрождения, и конь тихо сходит с постамента. А вы знаете, что против нашей знаменитой розовой лестницы есть двери. Двери сами открыва-

ются, и конь уходит. Это так страшно. Я бегу и кричу: не уходи, куда ты? Потом как буди прирастаю к месту, уже не могу за ним бежать и чувствую ужас, что его нельзя спасти. Это ужас каждого хранителя - что что-то может случиться с вверенным тебе наследием и богатством.

- Ваша особая любовь - Италия...

- Да, ни одна страна мира, а я все-таки много где побывала, не обладает такой степенью концентрации эстетического начала, как Италия. Если говорить о городах, самых-самых, это, конечно, Венеция. Город на воде. Город, где сплелись и Восток, и Запад, какое-то необыкновенное смешение всех возможных линий и направлений культуры. И в то же время город, который обречен, где витает смерть. В Москве таких сильных впечатлений, архитектурных и иных мы лишены.

- Но теперь ее начали понемножку улучшать, разве нет?

- Не всегда можно согласиться с таким улучшением. Очень много стандартного подхода, какого-то временного. То, что называется «евроремонт». К сожалению, черты этого «евроремонта» проникают не только в квартиры отдельных состоятельных граждан, но и в город целиком. Хотя есть какие-то куски города, которые восстанавливаются с большим тщанием и вниманием. Может быть, не надо слишком спешить.

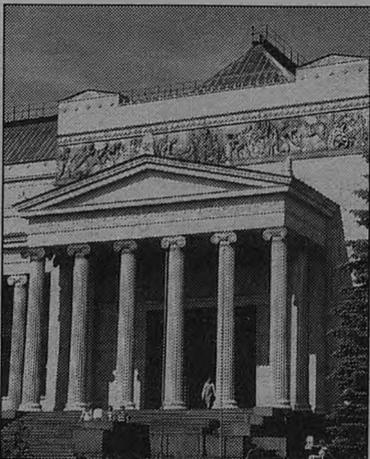
- Как вы относитесь к тому, что сделали с Манежем?

- Я чуть не заплакала, когда пришла туда. Может быть, даже заплакала, сейчас не помню. Центр города, у подножия Кремля, рядом университет, рядом Манеж, чудные здания, и вдруг вот это... Это очень страшно.

- Ирина Александровна, а какими свойствами характера надо обладать для того, чтобы выстоять и, несмотря ни на что, делать свое дело?

- Это должны быть какие-то внутренние ориентиры. Не будем называть те, которые все цитируют, евангельские, а будем говорить просто о верности избранному пути. О стремлении ценить человеческую жизнь, ценить красоту. О развитии в себе инстинкта сочувствия, понимания... Мне кажется, это очень важно.

Ольга КУЧКИНА.

ГМИИ им. А. С. Пушкина.